

№ 9

Александр КАНЕВСКИЙ

ДАВАЙТЕ КРАСНЕТЬ!

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ДЕВИЗ: Смеется тот, кто смеется.

А. Камин

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**№ 9
(1093)**

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Александр КАНЕВСКИЙ

ДАВАЙТЕ КРАСНЕТЬ!

Рисунки В. ШКАРБАНА.

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990**

ДАВАЙТЕ КРАСНЕТЬ!

В наступившем лете хочется сказать несколько прощальных слов о зиме. Она всегда была профессиональной очковирательницей и показушницей: забьет мягким пухом выбоины на тротуарах и мостовых, наденет белые маскировочные халаты на безрукие скульптуры в скверах, набросит вуаль из сверкающих снежинок на облупленные фасады домов — красиво! А укажешь на эти подснежные недостатки соответствующим товарищам — в ответ:

— Сейчас ведь мороз, снег, выюга... Весной приходите, весной!..

Потом наступает весна, самое молодое время года — все обновляется: и земля, и природа, и показуха. Летят снизу вверх весенние рапорты: «Приступили!.. Освоили!.. Начали перевыполнять!..» Правда, потом выясняется, что освоили, не приступив, а перевыполнили, не начав. Но это потом, а пока трубят-трубят весенние фанфары!..

— Стоп, стоп, стоп! — слышу я голос того же соответствующего товарища. — Не омрачайте сатирой летнего праздничного настроения.

А когда омрачать? У нас ведь изобилие праздников — сатире просто некуда воткнуться. Уже не хватает дней в календаре — разобрали на праздники. Каждое ведомство имеет свой собственный, персональный, и требует, чтоб его в этот день непременно славили и ублажали.

— Хорошо, не надо славить. Но не надо и критиковать. Напишите что-нибудь потеплее и помягче.

Издавна знакомое пожелание. К весне всегда заказывали теплые и мягкие фельетоны. Впрочем, и к зиме, и к осени. С годами сформировался такой демисезонно-праздничный фельетон, очень теплый и очень мягкий. Сколько я их понаписывал в своей жизни!.. Но все!.. Хватит!

Больше не хочу! Теплое и мягкое — на поля, им этого всегда не хватает. А я попробую пожестче и погорячей.

— Но зачем же сатира? Ведь есть еще и просто юмор, — слышу я знакомый вкрадчивый голос. Ладно, начнем с юмора. Но юмор — это та же сатира, только прокрученная через редсовет. А что, если вернуть ей первоначальную зубастость? Ведь в наше время сатиры негусто. Ей был поставлен боевой заслон из тренированных редакторов с авторучками наперевес. Провалит какой-нибудь чиновник сбор утильсырья или не откроет вовремя погребальную контору — за это его в редакторы: мол, последняя инстанция, не справишься, выгоним, как говорил мой южный приятель, «из везде».

И тут-то они уже стояли насмерть. Инструкции специальные заучивали наизусть. Курсы повышения бдительности проходили. И была у них система, специально разработанная, как сатиру «не пущать». Из трех пунктов. Первый: «Не смешно!»

Если же все читатели и слушатели смеялись, то в ход пускался второй аргумент: «Это не наш смех».

Когда же ценой огромных коллективных усилий удавалось доказать, что смеются именно нашим, самым здоровым смехом, тогда на головы неугомонных авторов обрушивали последнее обвинение, убойное, зубодробительное: «Народу это не надо».

Тут уже все, бороться бессмысленно: против народа не попрешь. Но меня всегда поражала, мягко говоря, смелость этих деятелей: встречаясь с народом только в банях, вещать от его имени.

Вот и покидали сатиру донкихоты, уставшие от борьбы с мельницами.

— Не могу рассмешить двенадцать инстанций, — оправдывался известный режиссер-комедиограф, отряхиваясь от жанра.

Я уже когда-то писал, что даже Салтыковы-Щедрины в последние годы переквалифицировались: Салтыковы сейчас снимают фильмы, а Щедрины пишут музыку. Нет, конечно, сатира у нас была, и даже острая, как безопасная бритва. И наши комедии с каждым годом становились острее тех, которые будут. Но, честно говоря, хотелось чего-то большего.

И вот настал день. С самой высокой трибуны прозвучал призыв к полной откровенности, к самой разоблачительной сатире. И тут вдруг выяснилось, что мы к этому не готовы. Все годы мечтали о таком времени, жаловались, что руки связаны, что не можем во весь голос гаркнуть... И вот разрешили, попросили, призвали. А «гарка» пока не получается. Уж очень те редакторы над нами поработали: мозги вправляли, шоры ставили, к каждой парадоксальной мысли тормоза приклепали. Но самое смешное, что на призыв быть смелыми первыми откликнулись именно они, наши шлагбаумы, восприняв это и как приказ, и как реальную возможность продлить свое пребывание в должностях. Они кипят и негодуют по поводу зажимщиков критики, они прыгают с ноги на но-

гу от нетерпения, так им хочется скорей разоблачать и искоренять. И тот, кто еще вчера даже в слове «некрасивый» вычеркивал частицу «не», сегодня иступленно требует самых острых проблем. Правда, он еще сам не знает каких, но требует.

А мы отвыкли говорить жесткую правду, хотя это — наш долг, наша профессия. Надо учиться, просто необходимо. Иначе и мы вольемся в большую армию непрофессионалов, которая нас незаметно окружила. Их много лет штамповали трафаретами анкет: «Не был... Не участвовал... Не привлекался...» Но ведь этого мало! Что он «не» — всем ясно. А что же он «да»? Вот и взяло время нас за грудки и категорически потребовало опустить высокий уровень нашего непрофессионализма!

Долой нудных пропагандистов, засыпающих во время собственных лекций! Долой пассивных молодежных вожakov, настолько ленивых, что они размножаются зеванием — на большее не хватает инициативы!

Пора ликвидировать комитеты по неудобствам, которые есть в каждом уважающем только себя учреждении!

Хватит кормить рыб нефтью!

Хватит тратить энергию на доказательства нашего обязательного во всем приоритета, даже первого места в мире по отлову комаров на душу населения!

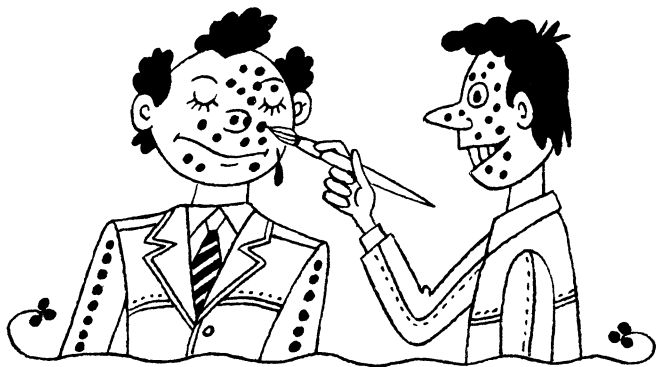
Давайте краснеть за каждую глупость, за каждую фикцию, за каждую халтуру. Нас с детства учили громко и дружно восклицать: «Нам хорошо! Нам весело! Нам прекрасно!» А теперь давайте научимся так же громко и дружно произносить: «Нам стыдно!» И если всем нам действительно станет стыдно за наши непрофессионализм и показуху, то мы упрямся, мы напряжемся, мы направим все силы на то, чтобы поскорее избавиться от этих причин, вызывающих чувство стыда за самих себя!

НА ВКУС И ЦВЕТ...

Я всегда выглядел очень импозантно: моложавый, спортивный, в белой сорочке. Непременно при галстуке и в пиджаке, желательно темном, в любую жару, даже на пляже — такая одежда придает солидность и основательность... Где служил? Везде, куда посылали: в науке, культуре, на производстве. При чем тут знание профессии? Меня же не работать посылали, а руководить! Где сейчас?.. Снова в науке, хотя, честно говоря, ученых всегда недолюбливал — все в очках, все какие-то чокнутые, все что-то изучают. Микроскопы им подавай, препараты, лаборатории... Сплошные проблемы!

Вот я сейчас институтом радуговедения руковожу. Помню, как пришел, так сразу все безобразия и вскрыл. К примеру, смотрю — все красителей требуют. А где я их возьму? Если б в обиходе берегли, а то все цвета разбазарили: «Мне идет голубой цвет», «А мне розовый». И так

каждый сам себе цвет выбирает. А по какому праву? Цвет не твой! Цвет — государственный! Какой выделим — такой и носи! А то, вы заметили, даже волосы — и те разные: один — блондин, другой — брюнет, третий — шатен, просто в глазах рябит. Что я предложил? Чтобы все одного цвета были, рыжие, например. Все подряд. Студенты — рыжие, доценты — рыжие, физорги — рыжие, профорги — рыжие... Тогда и профсоюз будет называться: «Союз рыжих». И производство выиграет. Поручат кому-нибудь невыгодную работу, он по привычке скажет: «Что я, рыжий?» — а ему в ответ: «Да, рыжий!» И все! И не отвертится!

А еще лучше, чтоб все — серого цвета. Серое всегда верней. Вот мы как-то сказки редактировали — все серое на первый план: серый волк, серенький козлик... И никаких красных шапочек — к серости надо привыкать с детства! У нас в институте я запретил даже произносить такие слова, как «красота», «прекрасный», «краснеть»... Лично я уже давно не краснею. И ничего, как видите — руковожу!

Вообще меня в этот институт очень вовремя направили. Они тут черт знает чем занимались. Один, например, какие-то подозрительные краски изучал: охра, сурик, сиена жженная... Похоже на «геенна огненная»... Только я его отстранил, узнаю: другой полутона изучает. Ну, я ему за полутона — полузарплату. И предупредил:

— Если не прекратите — вам придется покинуть институт.

— С радостью, — отвечает. — Тут после вашего прихода ни одного цвета радуги не осталось. Вы всем устроили желтую жизнь. Тоска зеленая!..

— Значит, два цвета все-таки остались. Спасибо за сигнал,— говорю,— и их ликвидируем.

Пошел дальше по институту. Вхожу в лабораторию. Смотрю: умник какой-то сидит, что-то изучает.

— Что делаете? — спрашиваю.

— Спектральный анализ, — отвечает.

Ну, думаю, это ничего. Там сотрудник есть Спектор — значит, его анализ изучает. Потом вдруг узнаю, что он втихую новый цвет выводит. Представляет?.. Только я со старым разделался, а тут новый. Ну, я, конечно, его выгнал. Мне говорят: «Как вы могли? Ведь это же светлая личность!» А мне наплевать, что светлая. Мне его вместо лампочки не вешать. Взял другого, потемней

— Что такое радуга, представляете?

— Представляю, — говорит, — когда-то коромысла гнул.

Какое образное мышление!

— Сидите, — говорю, — и подбирайте палитру.

Сидит, колдует. А я спокоен: этот никаких суриков, никаких полутонов не выдумает. И вдруг узнаю: новенький из радуги самогон гонит. Из каждого цвета — свой сорт. Семь сортов. И название каждому придумал: «Красногон», «Желтогон», «Синюха», «Зеленуха»... Какой острый ум!.. Прихожу и так строго спрашиваю:

— Что делаете?

— Палитру, — отвечает. — В день по литру, могу — по два.

Вижу, сметка у него есть. Да и народ к нему потянулся. Особенно в обеденный перерыв: кто с вопросом, кто с советом, а кто просто со стаканом. Пусть, думаю, дальше инициативу проявляет. Прошла пара дней — он всех лаборантов на группы разбил и выдал по радуге. Каждая радуга — на троих. Сидят и гонят. План гонят — прогрессивка идет. Словом, наладил он производство: подсобное хозяйство завел, отходы от радуги свиньям скармливает. Хозяин!.. Не то что до него один был: солнечных зайчиков хотел вывести. Не кроликов, не уток — а зайчиков.

— Для чего? — спрашиваю.

— Для детей, — отвечает. — Чтоб им веселей было.

Ну, как с такими кадрами работать?!

А еще один — светящиеся краски изобретал, чтоб, мол, ночью людям видно было.

— Ни к чему это, — объяснял я ему. — Ночью порядочный человек спит или анонимки пишет, а не шляется по городу!

Не-е-ет! Очень вовремя меня к ним направили: всех этих фантазеров разогнал. Остались люди солидные, исполнительные, дальновидные. Все — дальтоники, все эти цвета лютой ненавистью ненавидят. А трудоспособность — удивительная: изнывают, мучаются, но свои семь часов честно отсиживают. Сидят и ждут. Пенсии, за выслугу лет. А что, не заслушали?

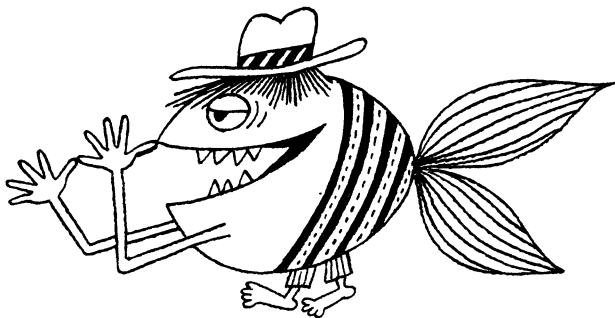
Надеялся и я тут до пенсии додержаться, но вдруг все эти новшества:

гласность, демократизация, перестройка... Честно говоря, сперва испугался, думал — слечу. А потом прислушался, присмотрелся и решил: чего бояться! Перестройка так перестройка! Не такое переживали! И быстро перестроился. Пиджачок и галстучек скинул — хожу в демократическом свитере, с ненавидимыми интеллигентами стал здороваться за руку, улыбаюсь им, хлопаю по плечам. Самогонщика немедленно прогнал. Спектора на всякий случай премировал. Всех Цветаевых издаю, Андрея Белого, Рину Зеленую. Фейерверки яркие запускаем повыше, чтоб заметили. План по красному перевыполнили.

Думаю: теперь, после такой моей личной перестройки, меня уже никто тронуть не посмеет. Так что еще поруководим!

РОКИРОВКА

Купил я аквариум с рыбами, решил написать о них рассказ. Поставил на подоконнике у стола, сижу, обедаю, изучаю. День, два, неделю. А они жрут друг друга. Вот уже одна рыба осталась, которая всех других слопала. Смотрит на меня сквозь стекло, глаза злые, голодные. Не мешало бы, конечно, ей корма подсыпать, да лень вставать, отяжелел я после обеда. Вода в аквариуме мутная, водоросли завелись — мне менять некогда, я изучаю, — так она водоросли съела, и песок, и камушки. Живучая

тварь, приспособилась. Из воды выскакивает, мух ловит. Легкие у нее появились. Кота моего в воду затянула, когда он хотел ее лапой поддеть. Сожрала вместе со шкурой. Здоровая стала, ей в аквариуме тесно. Выпрыгнула на пол, меня за шиворот и в воду, а сама на мое место, мой

обед доедает. Я хотел закричать, возмутиться, а она — червячка в аквариум. Я попробовал, проглотил — ничего, вкусно. Первая злость прошла, решил с ней по-хорошему поговорить, а изо рта только бульк-бульк, пузыри вылетают. Конечно, можно было бы из воды выпрыгнуть, да лень одолела, отяжелел я от червячков. Чувствую, жабры у меня прорезаются — дышать-то надо. Плаваю, руками помахиваю, а это уже не руки, а плавники. Хвост вырос, чтоб легко поворачиваться. Иногда вдруг ударит в мозг: «Что со мной? Выбираться надо!» Да ведь мозг-то у меня уже рыбий стал — не реагирует. Да и неохота воду баламутить: тихо, уютно, червячков дают. А тут детишки пошли, рыбенки малые... Я этой бывшей рыбе кричу:

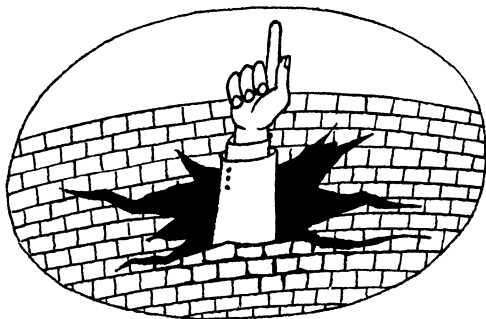
— Мне, бульк-бульк, теперь большой аквариум требуется!

А она сидит на моем месте, мой обед лопает и меня изучает. А потом еще рассказ обо мне написала, вот этот...

НОВЫЙ ПЕРЕХОД

На нашей улице строили подземный переход. Всю улицу перерыли. Движение перекрыли. Троллейбус в сторону отвели.

Наконец, закончили и сдали комиссии. Устроили торжественное открытие. Оркестр пригласили. Ленточку у входа натянули.

И тут вдруг выяснилось, что выхода из-под земли нет, забыли сделать: очень торопились сдать объект досрочно.

Ну, комиссия, конечно, строителей пожурила, но не лишать же весь коллектив премии. Да и опять же — оркестр уже приглашен, ленточка

натянута. Решили торжества не омрачать, переход принять, а отсутствующий выход внести в акт недоделок.

Оркестр грянул марш, ленточку перерезали, и народ хлынул вниз, в переход.

Правда, нашлись нытики, которые не хотели акт подписывать: мол, как же так — переход без выхода. Но председатель комиссии дал им достойную отповедь:

— Вы что, в инициативу наших людей не верите?.. Если понадобится — найдут выход!..

Переход этот по сей день работает. Тысячи людей туда входят и, представьте себе, как-то выходят. Так что председатель комиссии оказался прав: надо верить в творческую инициативу!

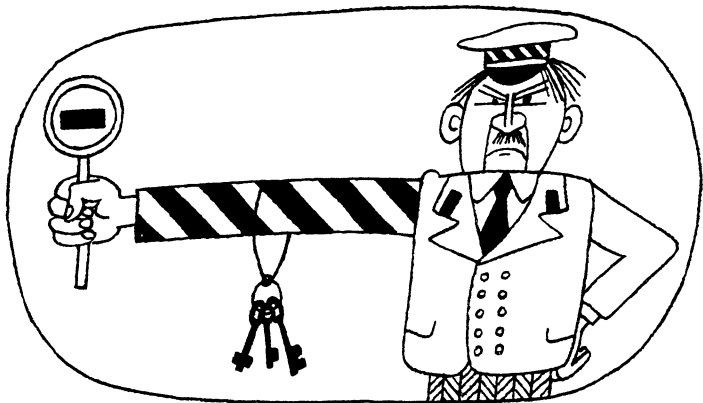
ИСПОВЕДЬ ШЛАГБАУМА

Вот ты в поездах едешь, вагоны современные помнишь? Красиво, удобно? И в каждом кондиционер, чтоб воздух прохладный дул, чтоб тебе было свежо и приятно. Это конструктор позаботился: спроектировал, рассчитал, режим работы вычислил. Он умный, он ученый, он все предвидел. Кроме одного: я этот кондиционер просто не включу. И ты у меня потом изойдешь. А зачем мне кондиционер? Его включишь, а потом за ним ночью нет-нет да посматривай. А я ночью спать люблю, а ты ворочаешься и воздух ртом хватаешь. А воздуха нет. Ведь окна задрены — вагоны-то на кондиционер рассчитаны. А кондиционер не работает, потому что я его не включаю и включать не буду. Мне так спокойней: во-первых, отдыхаю, во-вторых, премии за безаварийность, коль не работает — значит, не портится. Вот если б у меня за простой этого агрегата зарплату вычитали, я б днем и ночью сам в трубу дул, чтоб тебе воздух шел.

А так — я тебе купе в духовку превращу, и ничего ты со мной не поделаешь. Потерпишь. То-то!

И вообще, все ваши новые идеи мне жизнь усложняют. Я, как могу, их гроблю. Они у меня в ящике, как в братской могиле, навечно похоронены. Ты год что-то изобретаешь, экспериментируешь, экономический эффект подсчитываешь, радуешься, что науку двинул, — бежишь ко мне, чтоб я твоей идее ход дал. А я ее р-р-раз — и в стол. И твоя идея сыграла в ящик. А что? Надо скорее продвигать? Дудки! Пропустишь что-нибудь не то — влететь может. А за непропущенное еще никогда с работы не снимали. Вот если б за похороненное нужное изобретение мне по шее давали, я тогда каждого ученого хлебом-солью встречал бы. А так — все ваши великие идеи об меня, маленького человечка, как об столб разбиваются.

Может, если б не я, у всех уже собственные крылья были бы, дороги

с подогревом, дождь по заказу... Может, от какой неизлечимой болезни средство нашли бы... А я не даю, не пропускаю. Я — шлагбаум. Прimitивный, топором сварганенный, а путь перекрыть могу самому мощному механизму.

Вот ты, к примеру, творишь, мучаешься, рассказ обо мне пишешь. О том, как я вам жить мешаю, стою на пути. Ты ведь, наверное, месяц этим рассказом живешь, сравнения яркие подбираешь, чтоб меня сильнее поддеть. С любимой гуляешь, а обо мне думаешь, по ночам всакиваешь, чтоб финал рассказа острее сделать, беспощаднее. А я по ночам спокойно сплю и во сне ухмыляюсь. Ведь ты этот рассказ мне пришлешь, а я одним росчерком редакторского карандаша р-р-раз — и нет твоего финала, не разделался ты со мной, потому что я все самое главное взял и зачер

То-то!

«И ЗА УЧИТЕЛЕЙ СВОИХ...»

(Новогодний тост)

Друзья мои! Позвольте сегодня, за этим праздничным новогодним столом произнести свой первый тост за моих настоящих, истинных врагов, которые помогали мне двигаться по жизни и научили всему самому нужному, самому мудрому и самому полезному.

Начну с тебя, Вилька Козырев, наш классный хулиган и пристава, который всегда издевался над моим хилым телосложением и позорил меня перед девчонками. Я долго терпел. Но когда в наш седьмой «Б» перешла Линочка Яралова, в которую все мы немедленно влюбились, твои издевательства стали мне нелегкому. Тайком я начал посещать секцию бокса, и уже через полгода изметелил тебя на перемене под одобрительные аплодисменты Линочки. И хотя ты стал обходить меня третьей дорогой, спорт я уже не бросил и с тех пор регулярно занимался боксом, дойдя до кандидата в мастера. Как часто потом это меня выручало в жизни! Спасибо тебе, мой заботливый, мой дальновидный хулиган!..

Низкий поклон вам, неуважаемый Константин Иванович! С детства я был вспыльчив и невыдержан, взрывался из-за пустяков, устраивал скандалы. Но когда я попал к вам в отдел, и вы, пользуясь своим положением, стали ежедневно орать и оскорблять меня, я на собственном примере понял, как тяжело тому, на кого кричат, и как мерзок тот, кто себе это позволяет. Я стал следить за собой, гасить в себе вспышки ярости, воспитывать сдержанность. Говорят, что теперь мне это удалось, я стал выдержанным и корректным — благодаря вам, мой почтенный хам. Спасибо!..

Благодарю и вас, завистливый гражданин Котенко, мой рецензент, мой оппонент, мой душитель! Я был намного моложе вас, а успел уже сделать больше. Вы не могли с этим смириться, не хотели пускать меня вперед, на корню рубили любую мою идею, своим авторитетом давили каждое мое начинание. Я понял, что вы — невежда и победить вас мож-

но только Знанием и Мастерством. Я стал серьезно готовиться к поединку. Где нужно было прочесть один учебник — читал три, где нужно было сделать два варианта — делал восемь. Работал по ночам, не знал выходов, не ездил в отпуск, конечно, вы лишили меня многих радостей жизни, но в результате я пробился сквозь вас: имею признание, премии, учеников. А главное, я действительно теперь знаю все то, чего не знаете вы, — и все это благодаря вам, дорогой мой шлагбаум!

Я поднимаю свой первый бокал не за друзей, а за врагов и уверен, что вы, мои друзья, поймете и не обидитесь: ведь и подружиться мы благодаря им, нашим недругам, ища опоры друг в друге против злобы, зависти и лицемерия.

Спасибо вам, мои верные враги! Я пью за то, чтобы у вас хватило сил и дальше тонизировать мою жизнь, не давая мне расслабляться и терять спортивную форму... Я не виню вас в ваших мерзких качествах, а жалею: ведь вам не повезло в жизни, у вас не было таких неумолимо-преданных врагов, которые бы испытывали вас на прочность, закалили бы ваши характеры, отслоили и очистили ваши души от шлама и мусора. Но не теряйте надежды. Быть может, именно этот Новый год будет для вас сложным, трудным, мучительным и поможет многое понять, от многого избавиться и окрепнуть в борьбе с вашими приобретенными врагами.

Друзья мои! Давайте выпьем за наших врагов! Пока они существуют, мы будем сильны, мы будем добры, мы будем нравственны и непримиримы!

Я пью за дружбу и за вражду!

С Новым годом!

ГОНИТЕ ЕГО!

Он сидит в своем кресле, улыбчивый, обаятельный, респектабельный. Он следит за собой: модный костюм, гладкий пробор, благородная седина, запах французских духов... Мы встречали его не раз, и я, и вы, и многие. У него разные имена, разные фамилии, разные должности.

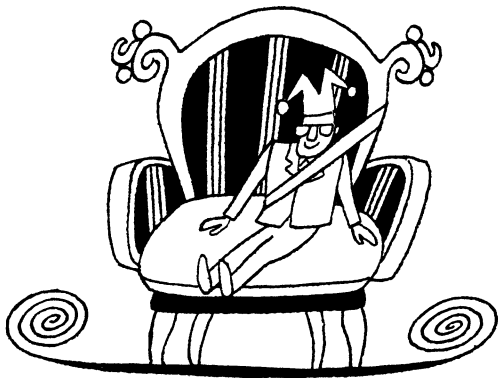
Когда вы входите в его кабинет, его лицо озаряется солнечной улыбкой. Он вскакивает, он бежит вам навстречу, обнимает за плечи, усаживает рядом с собой. Вам кажется, что именно вас он ждал всю жизнь, просто изнемогал от нетерпения... Вам что-то нужно?... Господи! Ну, дайте же ему возможность вам услужить!.. Ну, пожалуйста! Ведь для него это не составляет труда: в министерстве его все знают и любят, в горсовете без него не открывается ни одна сессия... В крайнем случае этот вопрос можно решить через ООН — его на днях посылают туда в спецкомандировку!..

Вы уходите открыленным, вы просто выпархиваете из его кабинета: вот кто поможет вам, помчится по вашим делам, защитит ваши интересы... Да никуда он не помчится! Он даже не приподнимется со стула — он тут же, немедленно, навсегда забудет о вашей просьбе, о ваших заботах и бедах... Он уже радушно улыбается следующему посетителю, обнимает его за плечи, усаживает рядом с собой...

— Болтун! — с усмешкой отзываются о нем подчиненные.

— Трепач! — ласково оценивает его деятельность начальство.

— Царь-колокол! — радуются приятели. — Надо пригласить его, пусть расскажет, как он ужинал с королевой.

Все это говорится весело и иронично, но без злости. А за что злиться или ненавидеть? Ведь он никого не убивал и ничего не разрушал... Не правда! И убивал, и разрушал!.. Разрушал наши планы и надежды, убивал нашу веру в существование честности, деловитости и справедливости! Заверения, клятвы, честные слова — он их разбрасывает, как сеятель, сеятель лжи, равнодушия и волокиты. Он так прожил жизнь, он не может иначе. Пытайте его каленым железом — он не скажет правды, он не умеет, он давно разучился...

Гоните его. Их время прошло, время болтунов, демагогов, обещалкиных. Настала пора поступков и свершений. Он мешает нам, он висит гирей на наших ногах. Скорей гоните его, только молча, не вступая в беседу, а то он опять вам что-нибудь соврет!

ДОРОГА-САМОБРАНКА

Современная сказка

Надоело мне сатирические рассказы писать, решил сказку сочинить. Вот послушайте.

За тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве отслужил солдат Иван положенный срок, демобилизовался и зашагал по дороге. А дорога та не простая — автострада бетонная, освещенная, бежит через степь коловую, как речка серебристая. Огляделся Иван, залюбовался, решил тут и осесть, пустить корни. Задумано — сделано. Присмотрел себе участок у дороги, решил дом строить, избу пятистенную. А бревен-то нет: край ведь степной, безлесный. Сел Иван у дороги, пригорюнился. Глядь — машины бревна везут, видать, издалека, из самой тайги: большие бревна, ядреные. «Вот бы мне таких!» Только он это подумал, первый грузовик на повороте чуток наклонился — бревна закреплены не были, навалом лежали, — одно и соскочило, а грузовик дальше помчался. Лежит бревно поперек дороги. Следующий грузовик хотел его обогнуть, вильнул в сторону — два бревна потерял. Третий тормознул — и из него бревна посыпались. Когда караван машин проехал, остались на дороге десятка три бревен. Видит Иван: никто за ними не возвращается. Откатил их на обочину, а потом к себе на участок перетаскал и такой из них терем вымахал — любо-дорого поглядеть!

Далее решил участок под посев готовить, кусты повыкорчевывать, валуны повытаскивать, землю залежалую перепахать. А чем? Глядит — в кювете что-то чернеет. Раскидал ветки, листья — видит: трактор. Как в прошлом году свалился и застрял, так его и не вытащили. Заржавел, грязью покрылся. Разобрал его Иван, по частям домой притащил, почистил, собрал — трактор как новенький, вместе с плугом. С его помощью и кусты выкорчевал, и валуны вытолкал, и землю вспахал — подготовил участок к севу. А засеять нечем. Собрался Иван в соседнюю деревню за зерном, вышел на дорогу, а дорога его снова радует: птицы стаями садятся, клюют что-то, пируют. Пригляделся Иван, а это пшеница белоярая, озимая, селекционная, которая из самосвалов просыпалась. Дал Иван птичкам насытиться, а потом и себя не обидел: собрал два мешка зерна и засеял участок. Как раз вовремя — первый снег выпал. Пришла зима морозная, но Ивану не страшно: дом теплый, хозяйство налажено. Правда, грустно добру молодцу одному жить, не с кем светлы дни коротать, не с кем темны ночи делить. Да и что за дом без хозяйки!..

Затосковал Иван, вышел на дорогу, видит: на обочине — девица-краса, стрижена коса. Сидит и плачет.

— Чего кручинишься? — спрашивает Иван.

— А как же мне, бедолашкой, не плакать? Привезли нас, младших научных сотрудников, колхозникам помогать, свеклу выкапывать. Высадили каждого на его участке, сказали: ждите, лопаты вам привезем

и скажем, что кому делать. Уехали и неделю не возвращаются. Я уж извелась, на дорогу глядячи. А в городе родная матушка слезы льет, подружки верные истосковались. Одно только утешение, что зарплата кандидатская по-прежнему начисляется...

Видит Иван: хороша девица, стройная, ладная. Запылало молодецкое сердце. Пригласил он ее в свой дом, напоил, накормил, в любви признался. Ответила ему девушка взаимностью. Свадьбу справили. Хорошей женой оказалась Марьюшка, верною да работающею, не зря диссертацию защищала. Детишки у них пошли, дом наполнился. А дорога подарки подбрасывает: то трубы дефицитные с машин свалятся — Иван из города водопровод протянул; то картошка навалом сыплется — Марьюшка ее прямо в кюветах и буртует. Когда свеклу везут, они корову выгоняют на дорогу пастись, корова свеклу ест — сахарно молоко дает. Марьюшка не нарадуется, Ивана похваливает: мол, хорошее место для жизни выбрал. Каждое утро Иван дороге кланяется, каждый день ее дары подбирает. Дети выросли, отделяться стали, свои терема построили, и все у дороги. Из соседних деревень народ потянулся, вдоль дороги дома понаставил. И правильно! Это раньше дорога была пыль да туман, а нынче дорога — полная чаша, всех кормит, живи — богатей!..

Ну, как? Понравилась сказка?.. Если хотите, я еще сочиню, хоть дюжину, благо писать есть на чем: ко мне целый рулон бумаги прикатился — я ведь тоже у дороги живу.

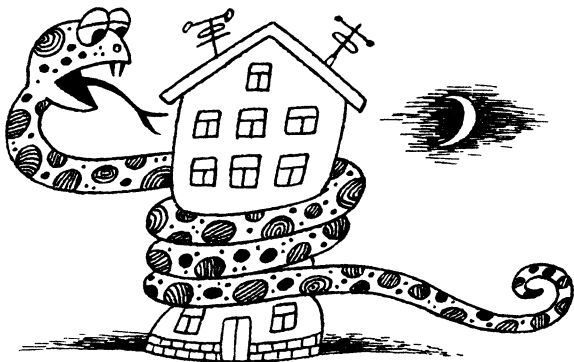
СПЛЕТНИ

Дом был новый. Не дом, а красавец: высокий, чистый, облицованный белой плиткой. С балконами.

И жильцы в него вселились приветливые и веселые. Пока дом строили, они по субботам и воскресеньям приходили на стройку, помогали строителям и очень подружились. Новоселье справляли все вместе, ходили по квартирам, поздравляли друг друга. Словом, не дом, а одна семья.

И вдруг по парадному поползли сплетни.

Сперва их было всего две. Когда жильцы втаскивали вещи, сплетни проскользнули между мебелью, юркнули в подвал и притаились. Потом они выползли в парадное и поселились за батареей. Здесь они стали размножаться. Каждая порождала еще несколько. Сплетен становилось все больше и больше. Сперва они выползали только ночью, шуршали по углам и закуткам. Потом обнаглели, стали выползать и днем, расплозились по всем этажам и квартирам. Они проникали через щели, через вентиляционные ходы, через замочные скважины. Жить стало невозможно. Куда ни пойдешь, всюду натыкаешься на сплетни: в подъезде,

в лифте, даже в собственной спальне. Соседи перестали разговаривать друг с другом, мужья поссорились с женами, дети — с родителями.

Наконец, жильцы собрали общее собрание и стали совещаться: что делать? Пригласили опытного старичка из санэпидстанции. Старичок осмотрел дом, выслушал всех и изрек:

— Уже ничем помочь нельзя. Дом насквозь заражен сплетнями. Его надо сносить.

— А нам что делать? — спросили жильцы.

— Строить новый дом.

Погоревали люди, да делать нечего. Собрали деньги, организовали кооператив, снова работали по субботам и воскресеньям — помогали строителям. И построили новый дом. Не дом, а красавец, краше прежнего: еще выше, еще белее. С лоджиями.

Вселялись дружно, весело, с песнями и шутками. Завезли мебель, втащили чемоданы.

И тут в парадное вползли две сплетни...

ВНЕЗАПНАЯ РЕВИЗИЯ

На продуктовую базу номер четырнадцать явился ревизор.

— Внезапная ревизия! Всем оставаться на местах!

Взял ключи, документы и исчез в подсобных помещениях, а в кабине у заведующего собрались все работники базы номер четырнадцать.

— Товарищи! — обратился завбазой Нечипорук к своим сотрудникам. — К результатам ревизии мы должны подготовиться заранее. Кто у нас в этом году будет сидеть?

Все молча повернулись и посмотрели на экспедитора Перлового. Тот заерзал на стуле.

— Почему это я?.. Всегда я!.. Если человек тянет, так на него наваливают... Я в прошлой пятилетке сидел, в позапрошлой...

Заместитель заведующего Ханыгин, неразговорчивый алкоголик, ткнул пальцем в висящую на стене миллиметровку, разбитую на квадраты, и буркнул:

— Все по графику.

Перловый сник, но по инерции еще продолжал сопротивляться.

— Так... сразу... неожиданно...

— Почему неожиданно? — возразил грузчик Тимур. — Мы ведь тебе ко дню рождения пижаму полосатую подарили, чтобы привыкал. Решетки на окна поставили.

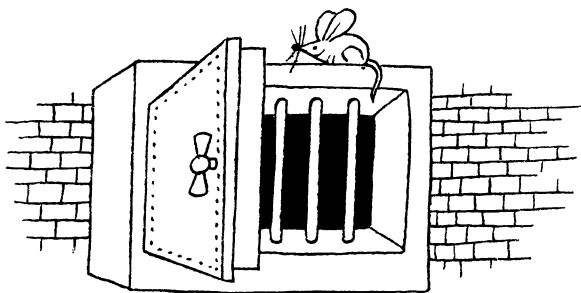
— Я в институт геронтологии ложусь, — продолжал канючить Перловый. — Мне уже палату приготовили, двухместную...

— Мы тебе лучшие условия создадим: будешь в одиночке сидеть!

Видя, что Перловый уже окончательно покорился, завбазой заговорил по-деловому:

— Значит, так. Зарплата тебе будет по-прежнему начисляться — мы тебя объявим почетным членом нашей бригады. Часть денег — семье, часть — на книжку, как в заграничной командировке. Плюс двадцать процентов северных.

- А за выслугу лет?
- Это будет зависеть от срока.
- Сын у меня весной на юридический поступать собирается.
- О семье не беспокойся, ею займется Тимур и его команда. Сына — в институт, жене — путевку в Цхалтубо, дочку — в «Артек», маме — персональную пенсию... Но ты тоже время не теряй. Перечитай все свои сберкнижки и сдай их на хранение в нашу общую библиотеку. Шубы — в ломбард, хрусталь по родичам развези...
- Я его еще с прошлого раза не забрал.

— Вот и ладушки. И ни о чем не тужи. Это раньше было страшно сидеть, а теперь... Спутники запускаем, реки перекрыли, БАМ построили... В какое время сидеть будешь, а?!

Завбазой открыл сейф и стал перекладывать его содержимое в подставленный Ханыгиным рюкзак.

— Вот твоя амуниция: теплое финское белье, две пары, для тюрьмы... Канадская дубленка — для Севера... меховые унты... А это... — Он раскрыл холодильник и вытащил оттуда кошелку, набитую снедью. — Это тоже для тюрьмы: тюрпак. Здесь кетовая икра, астраханский балычок, испанские маслинки... Споемте на посошок.

Негромко затагнули:

Прощай, любимый город...

Перловый растрогался.

— Хорошие вы друзья. Трудно мне будет без вас.

— Через годик к тебе Ханыгин приедет, его очередь.

Снова продолжали:

*И берег морской целует волна
И тихо доносит баян.*

— На кого доносит? — испуганно спросил Тимур.

Наступила пауза. Все задумались.

В этот момент дверь распахнулась, вошел ревизор. Сотрудники базы замерли в ожидании приговора.

— Ревизия окончена! — Ревизор обвел всех грозным взглядом, увидел рюкзак и кошелку, подошел, заглянул, остался доволен.

— Уношу из вашей базы самые хорошие впечатления!

Надел рюкзак, взял кошелку и пошел к выходу.

Все, стоя навытяжку, молча провожали его глазами. Только завбазой растерянно пролепетал:

— Так кто же все-таки в этом году будет сидеть?

АХ, ЭТОТ ГРИПП!

Грипп как море: накатывается волнами. Первая — меня миновала, вторая — сбила с ног и бросила в постель, раскаленную, как сухумский пляж в июле. Я лежал, сухой и горячий, поджариваемый изнутри инквизиторами — вирусами. Вызванный врач пришел к вечеру, тщательно помыл в ванной руки, потом вошел в комнату, сел рядом со мной и попросил раскрыть рот. Я выполнил его просьбу, уверенный, что он хочет посмотреть горло. Но врач вынул из «дипломата» маленькое зеркальце и с его помощью стал осматривать мои зубы...

— У вас кариес и пародонтоз!.. Запустили челюсть!

Какой-то металлической штучкой, вынутой из того же «дипломата», снял с зубов камень, потом размассировал пальцами десны. Что-то обнаружил, обрадовался.

— О!.. И полость в шестом верхнем. Надо срочно заделать. У вас есть электродрель?

К счастью, ее у нас не оказалось. Врач расстроился, огорчился, но потом взял себя в руки и попросил к его следующему визиту достать хотя бы механическое сверло.

— А пока полощите рот раствором соды.

— А что принимать от гриппа? — робко спросила жена.

Врач растерянно развел руками.

— Видите ли, я — стоматолог. Сейчас широкая эпидемия, терапевтов не хватает, поэтому прислали меня. Бюллетень я открыл и выписал зубной эликсир...

Увидев растерянность жены, добавил:

— Два раза в день массируйте ему десны щеткой, утром и вечером — сможет камни грызть!..

Очевидно, он хорошо подлечил мне зубы: когда меня лихорадило, они бодро стучали друг о друга.

На завтра жена сделала еще один вызов, в надежде, что придет терапевт. Но нам снова не повезло.

В полдень раздался пронзительный звонок и крик за дверью:

— Уберите собаку!.. Немедленно уберите собаку!..

Жена щелкнула замком и потянула за дверную ручку, пытаясь открыть дверь, но ей не давали это сделать. Потом дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась до блеска выбритая голова и закричала:

— Вы убрали собаку?!.

— У нас нет собаки,— испуганно ответила жена.

— Отойдите в сторону, я сам посмотрю.

Пришедший вытянул шею и покрутил блестящей головой, подозрительно осматривая переднюю, несколько раз призывно посвистел и только после этого переступил порог. В ответ на удивленный взгляд жены выкрикнул:

— Все говорят: «Нету! Нету!» — а потом кусают!.. Где больной?

Жена указала на дверь спальни и хотела ее открыть, но бритоголовый жестом остановил ее, поднес палец к губам, прошипел: «Тс-с-с!» — и, приложив ухо к двери, несколько секунд внимательно прислушивался. Потом спросил:

— Он у вас буйный?

Не дождавшись ответа, решительно распахнул дверь и заорал:

— Остаться на месте! Не двигаться!..

При моей высокой температуре мне было трудно шелохнуться, поэтому я охотно выполнил его приказание. Но, чтобы показать доктору, что я еще жив, я напряг последние силы и пошевелил ногой.

Энергичный доктор газелью отскочил в угол комнаты и закричал: — Что у вас под одеялом? Собака?

Убедившись, что под одеялом, кроме меня, никого нет, подошел ближе, приказал: «Следите», — и стал водить у меня перед глазами каким-то металлическим молоточком, то приближая его к моему носу, то удаляя. От напряжения у меня закружилась голова, и я закрыл глаза, чтобы не видеть прыгающего инструмента. Врач бросил молоток мне на лоб и стал пальцами раздвигать мои веки.

— Я велел следить!

Я мотнул головой, скинул молоток на подушку и снова закрыл глаза. Бритоголовый довольно потер руки и сообщил жене:

— Бунтует! Типичный агрессивный синдром. У него в роду были шизофреники?

— У нас нет шизофреников. У нас есть грипп, — устало ответила жена.

— При чем здесь грипп? У больного расшатана психика, нервы обнажены. Смотрите!

Откинув одеяло, положил мне ногу на ногу, размахнулся и стукнул молотком под коленку. Моя правая нога взвилась вверх и саданула доктора в живот так, что он отлетел снова в тот же угол и радостно завопил оттуда:

— Рефлекс сохранен — его еще можно спасти! Немедленно в диспансер! Ваше счастье, что прислали меня, а не терапевта — пропустили бы заболевание!

Что-то написал на бумажке и протянул ее жене.

— Вызовите спецмашину и ту-ту... Ту-ту-у-у!..

Он загудел и задвигал руками и ногами, изображая паровоз. Продолжая гудеть, «выехал» в переднюю, поманил туда жену и вполголоса посоветовал:

— Пока прибудет машина, позовите кого-нибудь из мужчин — с ним опасно оставаться наедине.

Приоткрыл входную дверь, высунул голову в парадное и закричал:

— Уберите собаку!.. Уберите собаку!

Вышел, но тут же вернулся и потребовал:

— Не запирайте дверь: если во дворе собака — я прибегу обратно.

...Вскоре газеты сообщили, что на нас накатилась третья волна гриппа. Болели уже и врачи, превращаясь в пациентов. Поликлиники захлебывались в потоке вызовов и присылали любых медиков, независимо от специализации, тех, кто еще держался на ногах.

У нас побывал еще и ортопед-травматолог, который долго искал на моем теле переломы и, не найдя их, поздравил меня с удачей. Когда же я пожаловался на насморк, он растерялся и неуверенно предложил

взять нос в гипс... Потом приходила врач-венеролог и задавала такие вопросы, от которых упавшая было у меня температура снова резко подскочила...

За время моей болезни мы так привыкли к разнообразию врачей, что даже явившегося к нам сантехника жена приняла за очередного доктора. Тем более что он задал вполне медицинский вопрос: «На что жалуетесь?» Жена подробно доложила:

— Горло отекло, принимает только теплую воду, а пища не проходит... И колено ноет.

— Колено ломаем и заменим, а горловину раздолбаем и прочистим, — бодро пообещал сантехник, достав кувалду и большой гаечный ключ.

Жена задохнулась от ужаса, у нее подкосились ноги, и она рухнула на табурет. А мне этот «доктор» помог больше всех остальных. Я вдруг громко и искренне расхохотался. И то ли от этого смеха, то ли от этих визитеров, а может, просто подошло время, но я почувствовал, что выздоравливаю, сел на кровати, оперся о подушку и на оставленных всеми докторами рецептах набросал этот рассказ.

ИДЕАЛЬНОЕ МЕСТО

В электричке мне подробно объяснили, как добраться до львиного хозяйства. В проходной Валерия не было. Я нашел его в маленькой, уютной сторожке. Он сидел в кресле, разувшись, в носках, и пил чай с баранками.

Мы обнялись.

— Плохо стережешь! Я мог запросто украсть льва — никто бы и не заметил.

— Как ты меня нашел?

— В институте объявлен розыск... Слушай, ты что, обалдел?.. Ну, устроился на каникулы подработать — это понятно. Но уже три месяца занятий — а ты ни гугу...

Валерий налил мне стакан чаю, пододвинул баранки и ответил:

— Я здесь навсегда останусь.

— Нет, ты явно сдвинулся! В лесной глуши одичал!.. А учеба? Год до окончания института!.. А наша идея летающих велосипедов?.. Остался последний рывок, надо дожать, добить, доказать... Мы же мечтали с тобой первыми полететь!..

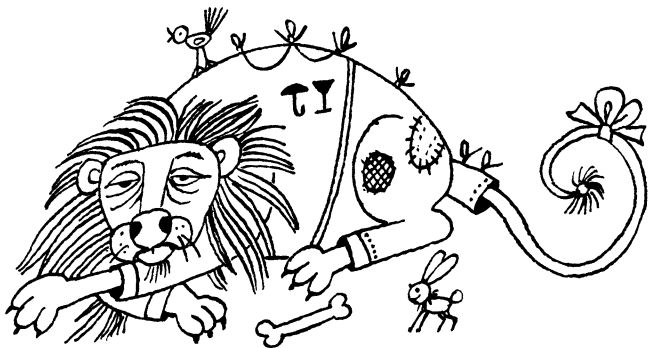
— Ты прав: в лесу тихо. Я много думал. Учебники, зачеты, экзамены... Проекты, диссертации, защиты... всю жизнь убеждай, защищай, доказывай... Надоело!.. Пусть летают другие. А мне здесь хорошо. Спокойно! Я доволен, мной довольны... Еще бы только сменщика найти, а то и днем и ночью приходится сторожить.

— Ясное дело! Кто, кроме тебя, на такую работу польстится.

— А чем плохая работа? Восемьдесят рэ в месяц, плюс двадцать процентов за опасность, хотя никакой опасности нет. Деньги все остаются в кармане — ни на еду, ни на тряпки тратить не надо: спецодежду выдают два раза в год... Питание бесплатное, из львиного рациона. А их, знаешь, чем кормят?.. Мясо, жиры, витамины!.. И еще: пенсия на пять лет раньше, опять же за вредность. А главное — покой, тишина, ни за что не отвечаешь.

— А если львы убегут?

— Ха! Да их отсюда метлой не выгонишь.

— Почему?.. И вообще, что это за учреждение? Зоопарк не зоопарк...

— Питомник. Читал, как под Туапсе обезьян на волю выпустили, чтоб в лесу жили и размножались?.. Вот так и у нас под Пензой решили львов разводить. Привезли из джунглей десять самых породистых, поддерживали здесь месяц, чтоб к людям привыкли, и выпустили на волю. И что ты думаешь? На следующий день все десять возвратились обратно.

— Почему?

— Вкус к спокойной жизни почували. На хрена полдня гоняться по лесу за каким-то зайцем, если здесь им два раза в день телятину подносят. Там, в лесу, жизнь под открытым небом, дождь, снег, град... А то еще лихой браконьер на шкуру польстится... А здесь — отдельные стойла, паровое отопление и никаких забот, никакой опасности.

— А они не мерзнут? В нашем климате?

— Что ты! Им специальные меховые набрюшники сшили, вот такие.

На Валерии была надета дубленка-безрукавка, застегивающаяся на спине.

— Ну, а дальше что? — спросил я.

— Ничего. Уже целый год так живут. Еще разок пробовали их выгнать в лес и не пускать обратно, так они восемь суток под воротами скулили, потом стали без еды доходить, но охотиться никто из них не пошел. Лежали и демонстративно пухли от голода. Жалко их стало, да и деньги, знаешь, какие уплачены!.. Впустили обратно — вот с тех пор при них и состою.

— А они не тоскуют по родине, по джунглям?

— Да в них уже ничего львиного не осталось. Жирные, как свиньи... Ленивые, как сурки... Не бегают, не охотятся, не дерутся... Даже детей не рожают. Лень!.. Да и незачем им заботиться о продолжении рода — смертности-то нет. Если кто-то из них и захочет подохнуть — мы его новокаином в долгожители вытянем!

В этот момент дверь домика отворилась и вошел огромный лев. Он широко зевнул, обнажив страшные клыки. Я вздрогнул.

— Да не бойся, — успокоил меня Валерий.

— Все-таки царь зверей.

— Какой там царь! В нем уже ни капли гордости не осталось.

Валерий поднял с пола туфлю и швырнул ее льву в физиономию. Тот взвизгнул, поджал хвост и удрал.

— Видал? Вот тебе опасность, вот тебе ответственность. А ты говоришь: институт, полеты, мечты... Да если хочешь знать, моя работа и есть голубая мечта цивилизованного человека. Вот только бы сменщика найти...

Я помолчал, подумал и спросил:

— А сменщику тоже одежду выдадут?

— Конечно. Летнюю и зимнюю.

— И пенсия раньше?

— На пять лет.

— И никакой ответственности?

— Ни-ка-кой!

И Валерий повел меня в отдел кадров.

Я РАБОТАЮ ЖЕНОЙ

Я до сих пор свеклу от капусты отличаю только по цвету, как в гражданскую войну противников отличали: это красные, а это белые. Готовлю только то, что можно бросить в кастрюлю не глядя. В основном концентраты, на завтрак, на обед и на ужин. Муж у меня уже плачет концентратами... А наша собачка Пеппи вообще из дому сбежала, все дни просиживает под соседской дверью: оттуда супом пахнет, так Пеп-

пи от незнакомого запаха дуреет. Соседка для нее миску завела, выстав-
ляет на площадку, подкармливает. Однажды слышу, ест Пеппи, аж да-
вится. Неужели, думаю, такая маленькая собачка так громко чавкает? За-
глянула в глазок, а это мой муж к миске припал, а собачку ногой
отталкивает... Вижу, он без нормальной еды уже звереет.

— Давай,— говорю,— в субботу в ресторан пойдем, всей семьей.

Пришли. Сели. Ждем. А мимо нас официанты проносятся: вжик,
вжик... Муж пробовал к ним взывать: «Товарищ!.. Товарищ!..» Но без ре-
зультата. Пока произнесет: «Това» — «рищ» уже в конце зала. Наконец,
удалось перехватить девушку-практикантку: она еще так быстро бегать
не научилась.

Подает она нам горошек черного цвета.

— Я заказывал маслины,— говорит муж.

А девица успокаивает:

— Это они и есть. Перележали на складе и чуток усохли. Но не вол-
нуйтесь: артикул остался прежний и цена тоже.

— Мы просили еще и икру.

— Вот.

— А почему такая странная пропорция: одна икринка — одно яйцо?

— Потому что яйца — тоже икра, только птичья.

— Почему апельсинового сока так мало? — спросила я. — Не в фуже-
рах, а в рюмочках?

— Это не сок,— догадалась наша маленькая дочь. — Это сокин сын.

А потом официантка моему мужу свой номер телефона подсунула,
московский, семизначный. Я, конечно, от подобной наглости возмути-
лась. А она оправдывается: это не номер телефона — это счет за обед.
Тут уже возмутился муж.

Пришли домой, подвели итог: время ушло, деньги ушли, только чув-
ство голода осталось. Пришлось его забивать концентратами.

В следующую субботу решили в столовой пообедать. Там был рыб-
ный день. Сперва подали нам рыбу-саблю, зажаренную вместе с ножна-
ми. Потом свиные отбивные: в них запах мяса навсегда отбит, поэтому
их и в рыбные дни подают. На третье принесли кисель. Но он был ка-
кой-то запуганный: только тронь — трясется... Разрезать его нельзя, за-
черпнуть — невозможно: с ложки соскальзывает, как ртуть.

Я говорю официантке:

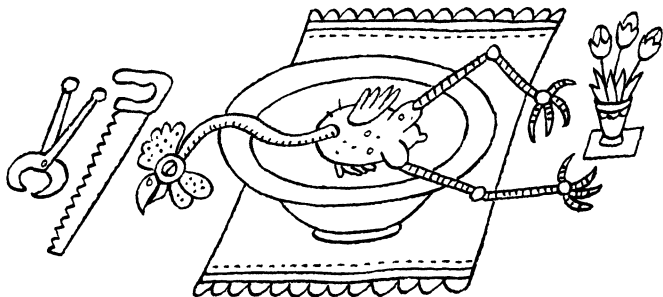
— Ваш повар незаменим в оборонном отношении: если его в тыл
к противнику забросить — через неделю врагов не останется.

А мужу не до шуток.

— Мне эту гадость чем-нибудь заесть надо. Если от тебя нормальной
еды не дождешься — сам сварю. Я хочу есть! Хочу кушать! Хочу
ням-ням!..

Пошел он по магазинам, принес петуха. Где такого выбрал — ума не
приложу. Пьеса есть «Синяя птица» — так это про него. Не пе-
тух — сплошной синяк. Шея — во! Ноги — во! Весь устремлен к рекор-

дам — Олимпийский петух. В нем вообще мяса нет — одни мускулы, твердый, как утюг. Варил его муж сутки, с субботы до воскресенья. На обед сослуживца пригласил, похвастаться своими кулинарными способностями. Обедали они вдвоем: я детей предусмотрительно в кино отправила, а сама больной притворилась. Намерился муж гостью петушью ножку оторвать, а она не отрывается. Начали они тянуть в разные стороны. Растянули того петуха метра на полтора, а разорвать не смогли. Стали есть его с разных сторон, сближаясь. Жуют, жуют, а проглотить не могут. Злятся, нервничают. А я их утешаю: мол, вспомните Олимпийский девиз. Главное — не проглотить, главное — участвовать.

А теперь давайте всерьез поговорим. Даже если мы наведем полный порядок в столовых и ресторанах, увеличим количество полуфабрикатов и концентратов — все равно проблему не решим. Семья должна есть пищу, приготовленную любящими руками, с радостью и доброжелательством, то есть женой и матерью. А меня этому не научили. Мать была ударницей и общественницей, ей было не до нас. Она всю жизнь кормила семью только готовыми пельменями, зимой, летом, весной и осенью. Отец не выдержал и удрал. На прощание поцеловал меня и произнес:

— Лучше быть вечным алиментщиком, чем вечным пельменщиком.

А теперь моя дочь растет такой же неумехой, как и я. Мне заранее жаль ее будущего мужа, она своих кукол кормит только опилками.

А когда мне ее учить? Она всю неделю в детском садике. И ваши в садике, и ваши... Растыкали детей по садам и довольны. Разве мы родители? Мы — садисты! Думаете, они от хорошей жизни запели «Пусть всегда будет мама»?.. А когда мне быть мамой? Я и работаю, и общест-

венные поручения выполняю, и еще на курсах по повышению... Да, теперь перед женщиной все дороги открыты: иди в науку, иди в начальство, иди в депутаты... А вот как в семью обратно вернуться? Это я вас спрашиваю, дорогие наши мужчины. Вы нам дали полную свободу. Спасибо! Кланяюсь вам за это. Но еще ниже поклонюсь, если вы эту свободу теперь чуть прижмете: работу, что потрудней, у нас отберете, запрете на собраниях допоздна просиживать, наши общественные поручения между собой разделите. Помните, что каждая ваша сослуживица — чья-то жена, чья-то мама. Лишний час вне дома — это несваренный обед, непроверенные уроки. А потом удивляемся, откуда у нас столько желудочников и неучей!.. А мы ведь все равно в рабочее время по магазинам за продуктами бегаем, обманываем, что по делам ушли. Начальство знает, что мы обманываем, но делает вид, что не знает, что мы обманываем. Сколько же можно лгать друг другу?.. А не пора ли уже громогласно, официально дать женщине больше свободного времени, для дома, для детей, для семьи?.. Ведь семья — это ячейка общества. Если выиграет семья — выиграет государство. А государство — это мы.

Давайте выиграем!

ХОЧЕТСЯ

Бычка не найдется? Очень хочется закурить. А сигареты у вас есть?.. Спасибо, но лучше сигару. А теперь выпить хочется. Еще выпить. Девочку хочется. Не эту — покрасивей, а лучше двух, на выбор. Комнатенку бы какую-нибудь. Ну да, однокомнатную, но с холлом. Нет? Тогда можно домик. Коттедж, на берегу чего-нибудь. А ездить как? Машину хочется, любую, самую маленькую, «Запорожец» или даже «Волгу». А лучше две, со своим шофером. Денег хочется. Еще денег. Еще дом, еще машину. Еще сколько? Пять лет осталось? На свободу хочется. Ой, как хорошо: ветерок, солнце, травка. Очень хочется закурить. Бычка не найдется?

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Рассказ мастера

Приняли мы вчера нового рабочего. Парень, как парень, ничего плохого про него и не подумаешь. А сегодня бригадир мне докладывает:

— Новенький сделал четыре дневные нормы.

Это значит в четыре раза больше, чем остальные.

Может, случайность, думаю?

Завтра — опять четыре нормы, послезавтра — то же самое.

А может, качество продукции низкое?

Проверили — отличное качество.

А может, он чего-то мухлюет?

Создали комиссию, весь день за ним наблюдали. Все правильно, все, как положено, только в четыре раза быстрее.

Тогда мы норму в четыре раза увеличили. Так он-то свою выполнил, а остальные в четыре раза меньше делают. Пришлось обратно норму восстановить.

Надо, думаю, дать ему более сложную работу, чтоб меньше успевал делать.

Перевели мы его в самый тяжелый цех, а он и здесь четыре нормы выдает, хоть волком вой.

Попробовали мы ему одну руку к туловищу привязать, а он другой рукой все равно четыре нормы делает, правда, ногами себе немного помогает.

Ну, нет с ним сладу, и все!

Вызываем его к себе:

— Ты зачем над нами издеваешься?!. Зачем себя коллективу противопоставляешь?..

— Да не издеваюсь я, — говорит, — и не противопоставляю. Просто по-другому работать не умею. У меня руки быстро двигаются еще от рождения.

— А отучить тебя от этого никак нельзя?

— Нет, — отвечает, — на остальных работах уже пробовали, не получается.

Грустно мне стало.

— Хороший ты парень, — говорю, — и подходишь нам по всем статьям, но, сам понимаешь, оставить тебя в коллективе никак не могу.

— Понимаю и не обижаюсь, — говорит он, а сам чуть не плачет. — Из-за этих моих проклятых рук меня уже со столько хороших мест уволили!.. Хоть бы они у меня поскорей отсохли, — я бы тогда нормально работал!..

Посочувствовали мы ему, поговорили, да делать нечего. Расстались по-мирному. Двухнедельное пособие выдали, характеристику хорошую. А про этот его недостаток ничего не написали, скрыли, взяли грех на душу. Может, у него это еще пройдет, зачем же парню биографию калечить?..

ПРОДЕЛКИ ВОЛШЕБНИКА

Непонятные события стали происходить в нашем городе. Черно-бурая лиса, гордость жены директора рыбозавода, на новогоднем банкете в ресторане соскользнула у нее с плеч, юркнула между столиками к выходу и удрала. Когда директор, его жена и очевидцы рассказывали об этом, все в ответ смеялись и говорили: пить надо меньше. Никто ведь не знал, что это штучки волшебника, который меха оживляет. Все только потом стало известно, а сначала просто паника возникла. Да и как не паниковать, когда на совещании промкооператоров все сорок ондатровых шапок спрыгнули у них с голов, покатались к выходу, перебежали набережную и нырнули в прорубь. А кооператоры, чтобы добраться до гостиницы, необутые головы шарфиками повязали. Потом в театре из гардероба исчезли все шубы — представляете, что поднялось!.. Сперва решили, что какая-то шайка орудует. Но когда вслед за шубами сквозь фойе, расталкивая зрителей, рвануло стадо дубленок, все просто ужаснулись. А чудеса продолжались. Оленьи меха соскакивали со стен и, потрясая рогами, прыгали с лестничной площадки на площадку... Медвежьи шкуры выдергивались из-под ног и с радостным ревом неслись вниз

по ступенькам. Даже крокодиловая сумка заведующей парикмахерской вырвалась у нее из рук, поползла до озера и заплакала от радости большими крокодиловыми слезами...

И город, доложу я вам, изменился. Если раньше на улицах можно было встретить одну-двух бездомных дворняг, которых будка не успела подобрать, то теперь... По деревьям прыгали белки и куницы. По тротуарам проплывали косули, бегали козы, прыгали кенгуру. В парках гуляли олени, сновали зайцы, лисы, кролики... Медведь пил воду из фонтана... А по аллеям несло интернациональное стадо баранов, бывшие дубленки: канадские, болгарские, югославские и наши отечественные... В озере плавали нутрии, выдры, ондатры... Семейство бобров строило себе домик.

Дети были счастливы.

Они кормили белок, играли с медведем, катались на оленях, прыгали с кенгуру.. Ведь животные, пока они были шубами и воротниками, привыкли к людям и их не боялись. Как заявили потом пионеры двенадцатой средней школы корреспонденту нашей «Вечерки», это были самые счастливые каникулы в их жизни.

Ну, дети веселились, а взрослые, естественно, принимали необходимые меры, милиция этим делом занялась, и в последний день каникул виновника отыскивали, точнее, он сам объявился и признался во всем.

— Зачем хулиганите? — спросили у него.

— Вы же, — отвечает, — всю фауну распугали, отравили и перестреляли. Вашим детям лисица даже присниться не может, потому что они ее никогда не видели... Скоро кошка станет музейной редкостью... Вы уже третий вытрезвитель в городе строите, с фонтаном и сауной, а на самый маленький зверинец средств не найдете, я уже не говорю о заповеднике!.. Вот я и решил детишек побаловать, ради Нового года... Хотите, оставлю все, как есть, жить веселей будет?

Ну, конечно, на это никто не согласился. Первыми протестовали наши модницы: как же это мы без мехов обойдемся?.. Их поддержали ателье, которые шубы и шапки шьют, им же без плана оставаться. Руководящие работники зароптали: раньше их по пыжиковым шапкам узнавали, а теперь чем же они будут отличаться от своих подчиненных?.. Да и отцы города не одобрили: благосостояние народа растет, каждый может богатую одежду приобретать, зачем же себе в потребностях отказывать, пусть иностранцы видят!.. Только мы, общество охотников, не возражали, если только нам круглогодичные лицензии на отстрел выдадут.

Огорчился волшебник, нахмурился.

— Эх, вы! — крикнул, махнул рукой, дунул, плюнул и исчез. И сказка сразу закончилась: лиса опять к пальто жены директора рыбозавода прицепилась, ондатры в шапки свернулись и на головы кооператоров прыгнули, бобры свой домик недостроили и обратно в воротники пре-

вратились, медведи по полу распластались, олени на стенах повисли... А крокодил выполз из воды, снова заплакал и свернулся в сумку.

Надели мы все шубы, дубленки, кожанки, гуляем по улицам, чинно, солидно, благородно, нафталином пахиваем... А на улицах опять тишь да благодать — ни одной зверюги: на деревьях никто не скачет, по аллеям никто не шастает, из фонтанов никто воду не лакает.

Только детишки малость затосковали, все в парк бегали: может, какая животина осталась... Тосковали, грустили, а потом ничего, успокоились. Привыкли к пустому парку, к пустым улицам. Даже стали будочникам помогать последних собак отлавливать... Дети — они есть дети, их ко всему приучить можно. Мы ведь тоже когда-то мальцами были, зверюшек ласкали. А потом наши папы-мамы нас отвадили, научили их ловить, стрелять, шкурки сдергивать... Так что ничего: и наши детки привыкнут!..

СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ

Станция наша махонькая, тихая. Поезда мимо проскакивают, даже скорость не снижают. У нас только дрезина с обходчиками останавливается, и то, только когда баба Мотя семечки на платформе продает.

И вдруг — трах-бах-тарарах — тормозит экспресс дальнего следования. Машинист мне в зубы приказ тычет, мол, бригада вместе с тепловозом срочно уезжает на какое-то задание, а мы, значит, обязаны собственными силами организовать отправку экспресса и обеспечить прибытие

его на станцию Узловую точно по расписанию в шестнадцать ноль-ноль, то есть через пятьдесят пять минут.

Сунули они мне эту бумагу, отцепили тепловоз, посигналили и ука-
тили. Остался я в совершенно мазутном состоянии, поскольку ничего
подобного у нас никогда раньше не случилось. И, как назло, именно
в мое дежурство!

Но часы стучат, время идет, приказ выполнять надо. Кликнул я на-
чальника депо Ваську Бондаря и команду:

— Немедленно разыскать машиниста Бахмета, он поведет экспресс
до Узловой.

— Не поведет, — отвечает Васька, — у них соседи свадьбу справляют:
Бахмет со вчерашнего вечера еще пьян.

— Тогда, — приказываю, — вызывай помощника машиниста Махно.
Доверим ему это задание.

— А Махно уже пьян, — отвечает Васька. — Они с братом новый са-
могонный аппарат испытывают.

Ну, что ты скажешь! Хоть гудком гуди!.. А до шестнадцати всего со-
рок минут остается.

— Тогда сам поведешь, — говорю я Ваське. — Срочно выводите паровоз.

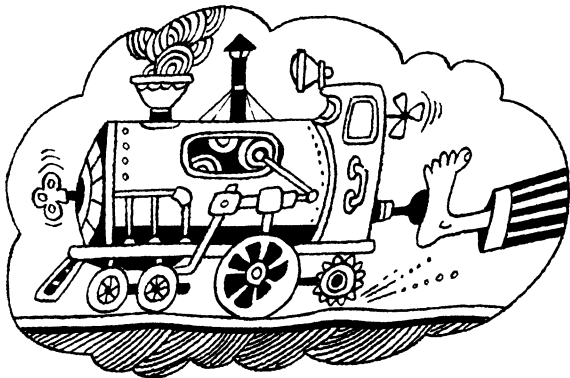
— Нечего мне выводить, — заявляет начальник депо, — потому как
паровоза у меня нету.

— Как это нету? — тихо балдею я.

— Очень даже документально, — говорит Васька. — Его списали и от-
дали пионерам на металлолом.

— Да как же вы посмели? — спрашиваю.

— А нам команда была: заменить паровоз тепловозом.

— Ну и туннель ты! — говорю я Василию Бондарю. — Что ж ты долгое время тормозишь, так бы сразу и объяснил... Дуй, выкатывай тепловоз.

— А тепловоза у нас тоже нету, — сообщает Васька.

— Это как же нету? — изнемогаю я.

— А так. Паровоз нам уже списали, а тепловоз еще не выписали.

— Выходит, у нас никакого транспорта не имеется?

— Выходит, — соглашается Бондарь.

— Тогда беги сообщи об этом начальнику станции.

— А его тоже нету.

— А когда он будет?

— Через пятнадцать суток.

Виджу, надеяться не на кого и не на что. А медлить тоже больше нельзя: до срока всего тридцать минут остается. И пришлось мне отправить экспресс без паровоза, без тепловоза и без машинистов. И что вы думаете?.. Дошел точно по расписанию, как миленький. Потому что приказ есть приказ и выполнять его надо любыми средствами. И даже без них. Так-то!

НОВОГОДНИЙ ЦИРКУЛЯР

...Неправильно это у нас происходит, непродуманно. Почему Новый год по всей стране одновременно встречают?.. Это же создает большие производственные трудности: где на всех сразу столько снега взять?.. Я заведу зимним отделом Небесной канцелярии и только и слышу, как нас ругают: «Опять напутали!.. Опять растаяло!.. Что с климатом творится?..» А ничего не творится, каким был климат, таким и остался, просто у нас снега на всех не хватает: лимитировано. У кого есть наряд, тому и отпускаем. А остальных как обеспечить?.. Нет, на урожай я не жалуюсь: в этом году много снега взяли, и града, и крупы. А хранить негде, все портится, тает. Можно было бы заморозить, так холодильники в срок не подвезли, поэтому и мороза тоже нет, еле-еле иней наскреести удастся. Вот и приходится туману напускать, чтоб с рук сошло...

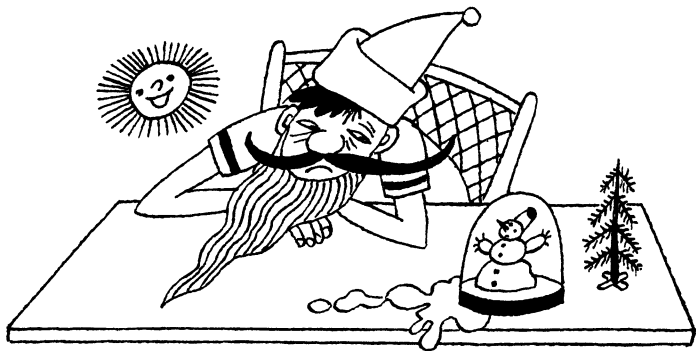
А работать с кем? Кто умеет вкалывать, на производство стремится. Вот и остались у меня в канцелярии только дурочки-снегурочки. Недавно погнали стадо буранов в Каракумы, всю пустыню заморозили... А в прошлом году над Саратовом циклон с антициклоном столкнули, лоб в лоб — представляете, что там закрутилось!.. А четыре вагона со снегом вообще не дошли до назначения, исчезли. Говорили, что их ветер развеял. Бросились за ним, второй год ищут ветра в поле... Да это и не единственный случай — тащут безбожно! С черного хода выносят по сугробу, по снежинке. Даже поземку украли — они ее на пол стелют.

А вчера вдруг звонок:

- Давай снег в Ялту!
- Почему? Не запланировано!
- Туда выехала встречать Новый год жена одного большого начальника, так что давай валяй!

Что делать? Даю. Валю снег в Крым. А в Магадане — оттепель. Меня, конечно, опять ругают. А где взять столько снега, чтобы всем досталось?.. Мы его уже и так дождем разбавляем — слякоть получается. А потом удивляетесь, что у меня зимой снега не допросишься!..

Вот поэтому я и решил циркуляр спустить, чтобы Новый год праздновать не всем одновременно, а по очереди, в течение года... Ни к чему

эта штурмовщина к концу декабря, вечный аврал... Спокойно распланируем и будем встречать и в феврале, и в мае, и в июне. Тогда и снега всем достанется. Один раз используем, потом в химчистку и санобработку и дальше отгрузим. Начнем с Севера, где хранить легче, и постепенно будем передвигать праздник к югу. Например, в январе Новый год встречают в Якутске и Верхоянске, в феврале — в Мурманске и Архангельске и так далее пошли по карте вниз. В августе, в бархатный сезон, двинем снежную лавину в Сочи и Сухуми. Потом в Ташкенте и Ашхабаде отпразднуем. Детки потанцуют вокруг кактуса. На тройках верблюдов прочтится Дед Мороз, вернее, Дед Жара. Вместо Снеговика — Суховай...

Честно говоря, можно было бы и без этих нововведений обойтись. И снег у нас есть, самый белый, и град — самый крупный. А крупы — вообще полные облака. И узорные снежинки вырезать умеем, и мохнатые хлопья прясть. При желании можно столько всего изготовить, что всю

Землю укроем, как одеялом. И холодильники достать смогли бы, и хранилища вовремя подготовить, и кадры умелые воспитать, но ведь для этого работать надо, думать, мозги напрягать. А мне, ой, как неохота. Вот я лучше всякие циркуляры и спускаю. Мало ли что для вас плохо, мне так удобней!.. Вот и постановил: больше тонны снега в одни руки не отпускать. И Новый год теперь праздновать в утвержденном порядке. Кто там первый на очереди, подходи и расписывайся в получении снега. А вы не толпитесь, вам в июле встречать.

С Новым годом!

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО АЛКАША

У каждого человека в душе звучит своя музыка. У одного — романс Глинки, у другого — марш Мендельсона. А я всю жизнь прожил под мелодию «Шумел камыш». Каждый вечер домой возвращался такой пьяный, что держался за собственное ухо, чтоб не упасть.

И вдруг кореша сообщают: «Хана, Федя, будет сухой закон». Я говорю: «Не верю. Сухой закон можно издать только с большого похмелья». А они настаивают: «До двух часов — сухой, а после — полусухой или крепленый, какой достанешь».

И начался очередной этап моей жизни, из очереди в очередь. Пока достоинься до бутылки, дуреешь, как пробка. Выстаивали только самые испытанные, точнее, испитанные, бойцы. Нас называли: очаги сопротивления, нас показывали иностранцам как доноров, которые стремятся сдать свою кровь; нас снимали для первомайского фильма как колонну демонстрантов. Но постепенно наши ряды редели, нестойкие стали отпадать.

И на работе теперь тоска лютая. Даже пива принести боимся. До того докатились, что воду из-под крана стали пить. А один сослуживец переводился на другую должность, прощальный стол накрыл: бутерброды, пирожные, пепси-кола... Сидим, мучаемся. Бутерброд в рот не лезет, от пирожных тошнит, от пепси-колы из слюны пузыри вылетают. Кто-то шепчет: «Надо тост сказать». Какой, думаю, тост под пепси-колу? Это уже не тост, а пепс. Поднялся и произнес: «Чтоб тебе так работалось, как нам пилось».

Скучно жить стало. Раньше, когда нахлынет тоска, в ресторан пойдешь, тяпнешь — и весело! А теперь ничего не отпускают, только минералку. Посидел, выпил водички, съел шницель — смотрю в счет, за голову хватаюсь:

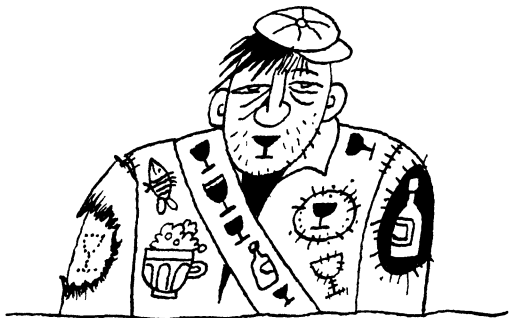
— Ведь столько же стоило вместе с водкой! Почему цена не изменилась?

А официантка отвечает:

— Мы боремся с алкоголизмом, а не с ценами.

Сядешь к телевизору, там фильм идет, который тоже прошел анти-алкогольную обработку: водку, вино, пиво заменили соками. Смотрю детектив: компания бандитов засела в своем логове и хлебает сок. От этого сока они просто звереют: выпьют по стакану — и за ножи, до крови... Я теперь этих соков просто бояться стал.

В искусстве вообще крепко взялись. Говорят, скоро от всех винно-водочных фамилий будут избавляться: Петров-Водкин, Ромм, Винни-Пух, Винокур... Останется только артист Не-винный.

Ну, конечно, раз пьянству бой, преступность сократилась. В нашем городе даже тюрьму ликвидировали. А помещение той тюрьмы в дом отдыха переделали, для нас, бывших алкашей. Молодцы, быстро перестроились. Питание — то же самое. Надзирателей оформили культмассовиками. По утрам та же команда: «На прогулку парами становись!» И в камерах, где когда-то томились узники-одиночки, теперь наслаждаются отдыхом по шесть, восемь курортников.

Вообще среди нас работу не прекращают. Клуб «Трезвость» организовали. Там с нами беседы проводят два пенсионера-общественника, Лелик и Болик. Лелик глухой, но умный, а Болик все слышит, но дурак. Когда задаем вопрос, Болик Лелику через трубку в ухо его вдует, а тот уже нам по-умному отвечает, что, мол, пить вредно и что водка — яд. Печень алкоголика показывали. Стоит она на коленях, плачет и умоляет: пощади! Так ее жалко было, так я после клуба расстроился, что вальерианки выпил, десять бутылочек.

Словом, победили вы меня, отвಾದили от водки. А что взамен? Лелика и Болика? Это если б я продолжал пить, то мне было бы все без раз-

ницы. А я ведь теперь трезвый, у меня мозги проясняются — мне теперь досуг менять надо. А как? В кафе не попасть. Билет в театр? В два раза дороже, чем за водкой, прстоишь. А чтоб без очереди, администратору надо бутылку сунуть — так я ее до него не донесу. Клубы пока только у собак есть. Где нам собираться и развлекаться? Снова в вытрезвителе?

Слышал я, что когда-то в Риме народ требовал: «Хлеба и зрелищ!» Хлеба у нас хватает, а вот зрелищ... Не хочется их недостаток снова водкой заменять. Недавно зашел в булочную и попросил: «Буханку белого и буханку красного». Опасный рецидив!

НЕ ГУБИТЕ МЕНЯ!

Я с детства рос очень послушным и исполнительным. «Ешь кашку!» — и я набивал рот размазней. «Без спросу не ходи!» — и я вымаливал разрешение даже на то, чтобы пойти пописать. «С этим не дружи — он плохой!» — и я отбирал у плохого мальчика свой мячик. «Учись хорошо!» — и я зубрил ненавистную анатомию. «Занимайся спортом!» — и, не имея сил поднять штангу, я перекатывал ее по залу. «Запишись в самодеятельность!» — и я гадким голосом орал в хоре.

Потом я вырос, окончил школу, окончил институт, стал взрослым, самостоятельным, даже руководящим. Но, приученный выполнять указания, я продолжал жить только так, как велят и советуют.

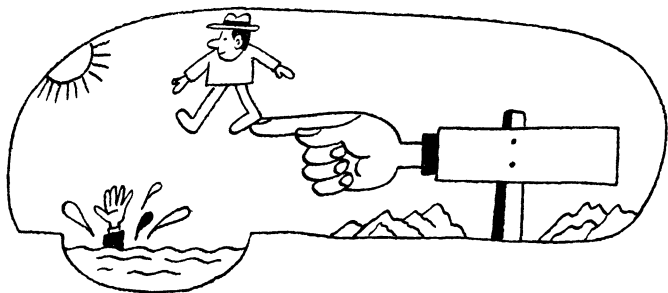
«Храните свои деньги в сберкассе!» — прочитал я на светящемся транспаранте и сразу положил на книжку все свои сбережения. Увидев плакат на стене сберкасы: «Летайте самолетами Аэрофлота!» — немедленно снял деньги с книжки и помчался в аэропорт. Прилетев на Кавказ и сойдя с трапа самолета, прочитал: «Туризм — лучший отдых!» Тут же купил рюкзак и затопал по горным тропам. Где-то на перевале наткнулся на предупреждение: «Не забыли ли вы застраховать свое имущество?» В ужасе хлопнул себя по лбу: конечно, забыл! Сбросил рюкзак, скатился вниз, вскочил в самолет, вернулся обратно и немедленно все застраховал: квартиру, мебель, одежду и даже кошку.

Заметив призыв «Посетите наш ресторан!», вошел вовнутрь и, хотя есть категорически не хотелось, насильно затолкал в себя два комплексных обеда. Недоеденный кусочек хлеба хотел оставить на тарелке, но, прочитав в конце меню, что «Хлеб — наше богатство!», бережно спрятал недоеденное богатство в кошелек. Взглянув на табличку «Посетитель и официант, будьте взаимно вежливы!», пожал руку официанту, потом обнял его и оставил ему рубль «сверху». Покидая зал, увидел другую табличку: «Не унижайте официантов чаевыми!», ринулся назад и прервал унижение официанта, отобрав у него свой рубль.

Услышав по радио «Уничтожайте мух — источник заразы!», помчался за первой же встречной мухой, полдня гонялся за ней и прихлопнул ее

уже где-то за городом, на лесной опушке. К дереву был прибит щит, который призывал: «Берегите муравьев — санитаров леса!» Откликнувшись на этот призыв, я погладил по спине пробегающего муравья и угостил его убитой мухой.

Как видите, я был очень послушным. «Не курить!» — бросал недокуренную сигарету. «Не сорить!» — тут же подбирал ее обратно и прятал

в карман. Если пиджак начинал дымиться, я не пугался — я с детства помнил спасительный завет: «В случае пожара звоните по телефону 01». «Даешь!» — и я отдавал даже последнюю рубашку. «Только вперед!» — и я бежал впереди всех. «Догоним и перегоним!» — и я мчался, обгоняя импортные машины. «Выполним и перевыполним!» — и я перевыполнял любое выполнение. «Все как один!» — и я собирал группу таких же, как я, и мы наперебой копировали друг друга.

Только один лозунг однажды поставил меня в тупик: «Экономика должна быть экономной». Сперва я растерялся, я не знал, как надо на него откликаться. А потом понял, что это образец для импровизации, и стал сам штамповать подобное: «Наука должна быть научной», «Искусство должно быть искусственным», «Ограниченность должна быть ограниченной»...

Вот так я шагал по жизни спокойно и беззаботно, ни о чем не задумываясь, выполняя готовые указания, которые были на каждом шагу. И вдруг они стали исчезать, с каждым днем их все меньше и меньше. И я остановился. Я растерялся. А вдруг их совсем не станет, что тогда? Мне говорят: решай сам. А как? Я же не привык, меня этому не учили. Я ведь теперь до конца жизни простою на месте в паническом неведении: как быть? Что делать? Куда идти?..

Пожалуйста, не губите меня! Пощадите! Дайте хоть одно спасительное указание, как жить без указаний!..

СМЕЛЫЙ ПОЧИН

Я зашел в театр повидаться с главным режиссером, своим бывшим одноклассником. Застал его мрачным и удрученным.

— В чем дело? — спросил я.

— Театр горит. Причем постоянно: зимой и летом, утром и вечером, в будние дни и в выходные.

— А вы принимали какие-нибудь меры?

— Еще бы! Пробовали хвалить спектакли в газетах — это отпугнуло зрителей еще больше; пробовали ругать — не помогло. Продавали билеты в рассрочку, потом в кредит, потом давали бесплатно, потом доплачивали — не идут!

Я положил ему руки на плечи, посмотрел прямо в глаза и спросил:

— Скажи правду: ты можешь поставить хороший спектакль?

— Не могу, — твердо и уверенно ответил он. — А план выполнять надо!

Мы беседовали в театральном буфете. За соседними столиками сидели и пили пиво несколько случайно попавших в театр иногородних зрителей. Прозвучал звонок, извещавший о начале нового действия, — зрители продолжали сидеть.

— И так всегда, — пожаловался мой друг. — Если и забредут в театр несколько человек — после первой же картины убегают в буфет и отсюда их трактором не вытащишь... Как быть дальше — не представляю!

И вдруг меня осенило:

— А ты попробуй буфет перевести в зрительный зал, а зрительный зал — в помещение буфета.

— Гениально! — закричал мой друг. — Просто гениально!.. Вот что значит человек со стороны!

Через месяц я снова заглянул к нему в театр. У кассы толпилась очередь. Висело объявление:

«Свободных мест нет.
Принимаются предварительные заявки
от отдельных лиц и коллективов».

Моя идея была полностью реализована и творчески разработана.

В зрительном зале стояли ряды столиков. Ложки были оборудованы под отдельные кабинеты. За кулисами устроили кухню. Расширили ассортимент, придумали фирменные блюда. Каждое блюдо подавалось после третьего звонка и пользовалось неизменным успехом. Из зала часто слышались крики: «Браво!», «Бис!». Вызывали поваров, вручали им цветы.

На кухне готовились специальные лакомства для детей, имелись комплексные диетические обеды. В театр потянулись пионеры и пенсионеры.

В праздничном, нарядном фойе висели фотографии официантов. У входа вместо афиш красовались художественно оформленные меню.

В антрактах между первым, вторым и третьим посетители могли пройти в бывший буфет и перехватить кусочек спектакля.

Театр быстро приобрел собственное лицо и легко конкурировал с соседними ресторанами.

— Я счастлив!.. Я окрылен!.. — Мой друг благодарно тряс мне руки. — Спасибо тебе! Впервые за всю жизнь я ощутил свою полезность обществу.

— А как общество отнеслось к твоей реформе?

— Чудесно!.. Недавно появилась великолепная статья... Меня хвалят! Меня ставят в пример!

И он показал мне огромную рецензию в «Советской торговле» под названием «Вари, выдумывай, пробуй!».

ХРАНИТЕ СВОИ ГОДЫ

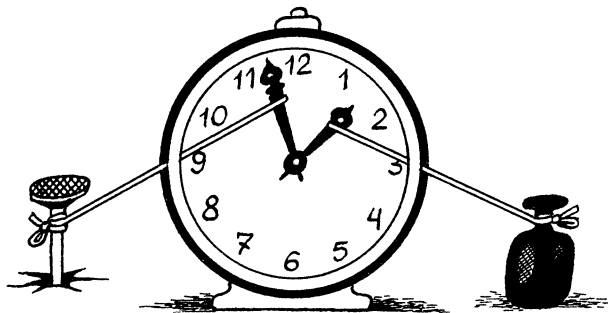
Он еще раз перечитал это письмо — признание в любви. Честно говоря, пойти хотелось. Ниночка ему нравилась. Даже очень. Но, с другой стороны... Три месяца ухаживаний, в лучшем случае. Затем две или три недели подготовки к свадьбе, хождение по родственникам, свадебное путешествие... Потом — девять месяцев ожидания ребенка, стояние под окнами больницы, беганье по врачам, устройство в ясли, в детский садик, в школу... Дальше считать не хотелось.

Конечно, на свидание он не пошел. Но утром следующего дня поло-

жил на сберкнижку сэкономленные — по самым предварительным подсчетам — семь лет жизни.

В субботу он был приглашен в свою бывшую школу, на традиционный вечер встречи выпускников. Его очень тянуло повидать бывших одноклассников, похлопать их по плечам, расспросить о житье-бытье, похвастать своими успехами. Но он прикинул, во что это обойдется: час на сборы, двадцать минут на автобусе, речь директора; вызовы к доске, которые снова придумает старик математик... Часа полтора танцы в зале... Потом Валька Чащин опять потащит всех к себе на дачу — это, считай, ночь побоку, сплошные «А помнишь?»... В воскресенье Валька, конечно, никого не отпустит: купание в озере, ловля рыбы, уха из консервов — словом, еще один день коту под хвост...

Он не пошел. Отправил приветственную телеграмму. Зато на книжку были положены сбереженные сутки и восемь часов.

В понедельник в обеденный перерыв позвонила мама:

— Почему ты не приходишь? Я очень волнуюсь.

— Еще ведь не конец месяца!

Когда-то он бывал у нее каждую субботу. Они пили чай с вареньем из облепихи, и он жаловался маме на свое начальство. Мама рассказывала ему о пользе витаминов и перед уходом вручала баночку облепихи, которой ему хватало до следующей субботы.

Теперь он эти посещения отменил — и ежемесячно стал класть на книжку освободившиеся вечера. За год набегало пятьдесят два вечера, а в високосный год — пятьдесят три!.. В конце месяца, каждого тридцатого, он заезжал к маме и, не отпуская такси, интересовался ее само-

чувствием. Мама провожала его до машины и вручала уже четыре бабочки варенья, которых ему хватало до следующего заезда. Конечно, такой визит забирал не меньше часа, но в конце концов у каждого человека есть свои привязанности: он уже не мог пить чай без облепихи.

Дома над тахтой у него висел плакат: «Экономьте время! Храните свои годы в сберкассе!» Он перестал ездить в санатории и дома отдыхать, перестал ходить в гости, на юбилеи, на похороны... Завел копилку, в которую бросал каждую сохраненную секунду. Секунды складывались в минуты, минуты — в часы, а часы оседали на сберкнижке и превращались в дни недели, месяцы...

— Зачем ты экономишь? Почему сейчас не живешь? — спрашивали друзья.

— Еще не имею права. Вот встану на ноги, будут имя, квартира, деньги — тогда я все эти годы и — эх, как погуляю!

И вот настал день, когда он сказал себе: все!

Были звание, положение, благополучие. А на книжке — накопленные десять лет, восемь месяцев и шесть с половиной дней. Все это огромное состояние теперь хотелось по-купчески растратить.

Он вышел на улицу впервые за много лет просто так, без дела. Его ослепило ярким летним солнцем, обрызгало теплым птичьим пением, ошеломило буйством цветущих каштанов. А навстречу шла Нина Петровна, та самая Ниночка, которая до сих пор почему-то не вышла замуж. Ниночка все еще была очень хороша, и у него сладко заныло сердце. Он молил лишь об одном: только бы не прошла мимо! Десять минут, хотя бы десять минут постоять, поговорить!.. Ниночка улыбнулась ему так же радостно и доверчиво, как когда-то. Он улыбнулся ей в ответ и хотел шагнуть навстречу, но вдруг почувствовал, что какая-то сила повернула его в другую сторону и повлекла, повлекла назад к знакомой сберкассе, где он тут же положил на книжку только что сэкономленные десять минут, из сэкономленных ранее десяти лет, восьми месяцев и шести с половиной дней...

ПЛОД ПРОСВЕЩЕНИЯ

Гришку я с детства знаю, еще во дворе вместе в жмурки играли. Он тогда уже все книжки читал и девчонкам про капитана Немо рассказывал. Я его сразу невзлюбил. Меня вообще очкарики раздражают. Дурноватые они какие-то, живут не по-людски. Гришка, например, шесть лет в докторском институте ишачил, а потом еще на Урале четыре года вкалывал научным сотрудником. В общем — десять лет цветущей молодости коту под хвост.

А я все эти годы жил полной жизнью, не отходя от дома. Я работу не искал, она меня сама находила. У нас в доме — сплошь интеллигенты.

А интеллигент — это кто? Это теоретик. В науках он еще туда-сюда, а в нормальной жизни — полнейший нуль. Он тебе в институте синхронизатор рассчитает, а в собственном счетчике пробки поменять не умеет. Вот они все ко мне и бегают: кому кран починить, кому перила на балконе покрасить, а кому и просто гвоздь забить. Сперва я в любое время откликнулся, а потом вокруг новые дома повыврастали, интеллигенции поднакопилось, заказы косяком пошли — тогда я приемные часы назначил, с двух до пяти. И запись завел предварительную, на неделю вперед. Супруга моя, Катерина Никитична, список заранее составляет, как к министру какому или даже к экстрасенсу.

Просыпаюсь после обеденного передыха, чую — в прихожей шепчутся, ждут, значит. Долго ждут, а разбудить боятся, потому как в прерванном сне я лют и беспощаден, могу даже вообще прием отменить...

А вчера особая приятность была: просматриваю список и вижу, что Гришка пожаловал. Сперва хотел я его без очереди пропустить, а потом вспомнил, как он в клубе лекцию читал, как по телевизору советы давал, словом, как он передо мной выкадрючился, — промурыжил его полтора часа в прихожей.

За это время физиономию «Красной Москвой» помыл, сел в шезлонг, включил торшер, поправил на себе махровый халат и говорю супружнице своей Екатерине:

— Запускай.

Входит Гришка. Видит меня, улыбается, будто по спортлото выиграл.

— Здравствуй, — говорит, — Андрюша, сколько лет, сколько зим!

А я на его улыбку не реагирую, на приветствие не отвечаю. А так строго, по-деловому:

— Что у вас? — спрашиваю.

Вижу, кис мой Григорий, понял, что на старой дружбе не проскочишь. И отчество мое сразу вспомнил.

— Мне, Андрей Кузьмич, немного... Мне дырки в стене для карнизов пробить надо...

— Оплата поштучная... — говорю.

— Как скажете, — быстренько соглашается он.

— ... и поглыбинная.

Он запнулся, баньки выпучил, ресницами хлопает.

— Мне не совсем ясно, что означает «поглыбинная».

— Да, тут не академия, тут думать надо! — поддел я его. А потом сжалился и объяснил: — На какую глубину забивать — сколько и платить. Рупь — сантиметр. Ясно?

— Ясно, — говорит.

— Клади аванс и топай. Подойдет твоя очередь — получишь открытку, как на автомобиль «Жигули»...

Не уходит. Стоит. Стесняется.

— Мне, Андрей Кузьмич, еще и окно застеклить надо.

— Раму принес? Я такие мелкие работы дома делаю, чтоб из-за пустьков себя не беспокоить.

— Принес, принес, — отвечает Гришка, затем заглядывает в прихожую и зовет: — Лидочка!

Входит его жена, дама солидная, форматная, как широкоэкранный кинотеатр. Раму перед собой несет, так что ее внешность внутри, как будто живой портрет движется. Гляжу, что-то знакомое, думаю: откуда? А потом вспомнил: я ее на афишах видел, актриса известная, какую-то премию получила. Хотел я ей сесть предложить, а потом даже застыдился: вот до чего общение с интеллигенцией доводит! Противно мне стало, вроде я диссертацию защитил. Выплюнул сигарету изо рта и как рывкну:

— А где стекло?

— Есть, есть, — заюлил Гришка, опять заглянул в прихожую и позвал: — Мама!

Вошла старушка, аккуратная, подстриженная, как газон. На плече деревянный ящик со стеклами, как у стекольщиков.

— Мутер гутер! — встретил я ее шуткой: она у нас в школе немецкий преподавала. — Ладно! — говорю Гришке. — Клади четвертак, товар оставь, приходи весной.

Гришка снова баньки выпучил.

— Но... видите ли... Мы хотели застеклить на зиму... — И чтоб я не обиделся, стал объяснять: — Зимой, знаете ли, бывают морозы. Это летом тепло. А зимой холодно.

— А у тебя что, зимнего пальто нету? — спрашиваю.

— Есть,— отвечает. И снова давай объяснять: — Но пальто я ношу на улице. А в комнате я хожу без пальто. Поэтому хорошо, когда в комнате тепло. Нехорошо, когда холодно. Понимаете?

— Понимаю. Забирай раму, стекла и катись отсюда! Ты мне здесь прения не устраивай. Ты в приличном доме находишься, а не, извиняюсь, в аудитории... Кру-гом!

Это я ихней мутерше скомандовал, которая с ящиком на плече.

Гришка еще что-то белькотал, но я его не слушал. Я знал, что он все равно примет все мои условия. А куда деваться? Их много, а я один. Пусть они себе и дальше учатся, кончают и защищают. Пусть у них у всех будут высшее образование, дипломы и степени. А я останусь таким, каким есть. Один во всем городе... В стране... В мире!.. Вот тогда они ко мне побегают!..

Одна только мысль все время в башку лезет: а вдруг они сами научатся гвозди забивать, перила на балконе красить, дырки в стене делать?.. Мне ведь тогда полная труба. Просто безвыходное положение: или в петлю лезть, или самому в институт идти!..

СОДЕРЖАНИЕ

Давайте краснеть!	3
На вкус и цвет...	5
Рокировка	8
Новый переход	9
Исповедь шлагбаума	10
«И за учителей своих...»	11
Гоните его!	13
Дорога-самобранка	15
Сплетни	17
Внезапная ревизия	18
Ах, этот грипп!	20
Идеальное место	23
Я работаю женой	25
Хочется	28
Возмутитель спокойствия	29
Проделки волшебника	30
Случай на станции	32
Новогодний циркуляр	34
Исповедь бывшего алкаша	36
Не губите меня!	38
Смелый почин	40
Храните свои годы	41
Плод просвещения	43

КАНЕВСКИЙ Александр Семенович

ДАВАЙТЕ КРАСНЕТЬ!

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 06.02.90. Подписано к печати 15.03.90.
А 00253. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,84. Тираж 75 000.
Заказ № 1935. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1933 году в городе Киеве. С детства ненавидел математику, но окончил Автодорожный институт. С высшей математикой. Меня всегда привлекали города с двойным названием: Монте-Карло, Буэнос-Айрес, Баден-Баден, — поэтому я попросил направление в Талды-Курган. Год проработал в Казахстане инженером-мостостроителем. Построил свой первый мост и написал свою первую пьесу, которая тоже провалилась. Поэтому в 1958 году вернулся в Киев и до 1982 года большую часть своей жизни проводил в поездках Киев — Москва и Москва — Киев. А когда стало не хватать денег на железнодорожные билеты, переехал в столицу на постоянное жительство.

С 1958 года занимаюсь только литературной деятельностью.

Поскольку я человек сентиментальный, то писал в основном сатирические рассказы: авторам таких рассказов в ту пору приходилось часто плакать. За один из таких оплаканных рассказов я получил международную премию на конкурсе «Алеско». Рассказы мои по недосмотру редакторов регулярно появлялись на страницах центральных газет и журналов, в том числе и «Крокодила».

Поскольку я оптимист, то писал и пьесы, и киносценарии в надежде, что пьесы будут ставить, а сценарии — снимать. Но вышло наоборот: сценарии ставили на полку, а пьесы снимали в день премьеры. Когда мне это надоело, я организовал новый театр-студию «Гротеск», в которой как драматург буду проталкивать свои пьесы, а как худрук — изымать их из репертуара.

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1990. № 9. 1—48.

